

АКСИОЛОГИЯ: ЦЕННОСТИ И СВЯТЫНИ

Г.В. Бакуменко

СИМВОЛИЗАЦИЯ УСПЕХА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Предметом исследования является феномен формирования в культуре личности и в социокультурной среде символов успешной деятельности, или, иными словами, феномен социокультурного процесса символизации успеха. Объектом исследования является социальная коммуникация, в рамках которой и осуществляется исследуемый процесс. Автор подробно рассматривает такие аспекты проблемы как процессуальность феномена успеха, о чем свидетельствует изменчивость его философско-смыслового и повседневного содержания. Особое внимание уделяется постановке проблемы исследования на стыке феноменологии, герменевтики, семиологии и теории коммуникации, что позволяет синтезировать авторскую культурологическую позицию в рассмотрении межпредметной проблематики. Методология исследования основана на синтезе философии и феноменологических наблюдений позитивистских дисциплин. Статья носит описательный характер постановки проблемы. Основным выводом проведенного исследования является утверждение возможности и актуальности исследования процессуальности символизации успеха как социокультурного феномена. Именно в постановке проблемы изучения символизации успеха в его имманентной процессуальности заключается новизна авторского научного подхода, диктующего развитие новых методов культурологического анализа феноменов социокультурной жизни.

Ключевые слова: культурология, социокультурный процесс, феноменология успеха, символизация успеха, социокультурная динамика, социальная коммуникация, социальное время, аксиология успеха, успех и анархия, успех и тоталитаризм.

Review. The subject of the research is the phenomenon of the development of symbols of success in the culture of personality and socio-cultural environment or, in other words, the phenomenon of the sociocultural process of symbolizing success. The object of the research is the social communication. The author examines the aspects of the problem such as the procedural nature of the phenomenon of success as demonstrated by the variability of the philosophical and everyday contents. Particular attention is given to the problems of the research carried out at the intersection of phenomenology, hermeneutics, semiotics and communication theory. That allows to synthesize the author's cultural views within the framework of the interdisciplinary research. The research methodology is based on the synthesis of philosophy and phenomenological observations in humanities. Generally speaking, the article is of the descriptive nature and simply defines the problem. The main conclusion of the research is the statement that it is possible and important to study the process of symbolizing success as a social and cultural phenomenon. It is the problem definition of studying symbols of success from the point of view of their immanent procedural nature that causes the novelty of the author's scientific approach and dictates the development of new methods of cultural analysis of the social and cultural life phenomena.

Keywords: success and totalitarianism, success and anarchy, cultural, axiology of success, socio-cultural process, phenomenology of success, symbols of success, social and cultural dynamics, social communication, social time

Процессы, проистекающие в социокультурных системах, какими можно рассматривать и все человечество, и его части, включая индивида, как носителя куль-

туры, интересуют ученых и философов с точки зрения стабильности, а, следовательно, предсказуемости, и изменчивой непредсказуемости культурной динамики. Временная продолжи-

тельность и пространственная определенность позволяют классифицировать процессы как долгосрочные и краткосрочные. При желании можно выделить среднесрочные характеристики или дифференцировать процесс на *подпроцессы*, динамические элементы системного характера одного явления и т. д.

В любом случае, процесс мы выделяем как явление, наблюдая изменения окружающих нас форм. Стабильные изменения говорят о предсказуемости развивающегося процесса, резкие изменения и непредсказуемые трансформации характеризуют взрывные или быстротекущие явления. Особый интерес представляют процессы формообразования в культурных системах. Поскольку эти процессы постоянны, т. е. происходят при любых условиях, их природа открывает закономерности общесистемного характера, раскрывает социокультурное пространство как системное целое. Именно в этом аспекте интересен процесс символизации успеха, сопровождающий генезис культуры на обозримом историческом просторе.

Обозначенный нами процесс проявляется как репрезентация мотивационных моделей деятельности людей, формирующихся в социокультурной среде. Среда создает условия, при которых индивид или социальная группа как носители культуры формируют некоторый образ-символ успешной деятельности, направляющий эту деятельность в предсказуемое русло. Осуществление целенаправленной деятельности связано не только с трансляцией сложившихся деятельностных мотиваций в форме образов-символов успеха, но так же с их эволюцией и трансформацией, с созданием и символизацией новых (иных) образов успешной деятельности и с закреплением их в культурных формах или в личностных и социальных практиках. Так каждый поступок человека воссоздает и развивает культурную среду человечества.

В современной отечественной культурологии процесс символизации успеха затронут в аспекте формализации концепта «успех» и оценке его социокультурного значения (Н.В. Розенберг, Т.В. Букина, В.А. Каюков и др.), в аспекте раскрытия дефиниций понятия социокультурного процесса и культурных формообразований (А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев, Г.А. Голицын, А.Я. Флиер, С.Н. Иконникова, В.И. Свидерский, Е.М. Бобосов, В.А. Соколова, В.И. Добренков, О.И. Кускарова, М.А. Губанова и др.), но отдельно, как предмет исследования, не рассматривался.

Как методологическую базу для постановки проблемы можно рассматривать работы Г. Зиммеля, Й. Хейзинги, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, Т. Парсонса, П.А. Сорокина, В. Франкла, А. Кребера, К. Клакхона, Л. Уайта, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Г.А. Голицына, В.М. Петрова, А.Д. Похилько, А.Я. Флиера, Д.П. Гавра, А.Н. Кочетова, А.В. Соколова, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, М. Бубера, П. Бурдые и др. Синтез разработанных концепций культуры, социальных и социокультурных структур, социальной коммуникации и феноменологических наблюдений перечисленных авторов позволяют сформировать в области культурологии представление о процессе формирования и развития в социокультурной среде символов успешной деятельности людей, как о принципе самоорганизации культурной системы.

Кроме того следует отметить большой эмпирический материал, накопленный в областях психологии, педагогики, лингвистики, позволяющий обобщить повседневные дефиниции концепта «успех» и выявить его объективную процессуальность.

Интерес гуманитарных наук и философии к проблематике успеха не случаен. Развивающийся научный и философский дискурс так же можно отнести к современным формам проявления социокультурного процесса символизации успеха, как и отпечатки ладоней далеких наших предков, оставленных на стенах пещеры-жилища.

Наиболее распространенные в научной и философской литературе представления об успехе связывают этот концепт с результатами деятельности и с общественной положительной оценкой результатов деятельности. Так Н.В. Розенберг [1], рассматривая успех в широком социально-культурном контексте, определяет его как базовую категорию деятельности. Н.В. Розенберг пишет: «Успех обладает не только мощными регулятивными и компенсаторными возможностями, определяет социальное поведение, но и имеет сложную структуру. Его архитектоника в значительной степени определяет средовое самочувствие и зависит от него. Точное попадание в компоненты успешной деятельности предполагает своевременное создание необходимого количества профессионалов-творцов, способных выжить в конкурентной борьбе, знающих, умеющих, действующих с высокой эффективностью, то есть, могущих достигать успеха. Таким людям принадлежит доминантная роль в создании динамики культурной среды» [1]. Авторский подход Н.В. Розенберг реализуется в архитектонике концепта «успех», складывающейся из деятельностных категорий:

целесолагание, мотивация, умение предвидеть, способность идти на риск, адаптация к внешней среде, целостная оценка ситуации. Отметим некоторую односторонность исследования. «Средовое самочувствие» личности, на наш взгляд, базируется не только на перечисленных составляющих, но и на их смысловых философских и повседневных характеристиках, ситуативно изменчивых, различным образом комбинируемых в реальных жизненных ситуациях. Раскрывая момент личностного успеха в обществе, автор не достаточно глубоко затрагивает аспект успешной деятельности таких субъектов, как социальные группы и массы. Вне контекста успеха оказывается феномен самопожертвования, а ведь и эта категория действия направляется личностью к успеху. Причем жертвенность (во имя семьи, детей, любимого человека, Родины, матери и пр.) традиционно культивируется в отечественной литературе и может рассматриваться как специфическая ментальная черта отечественной национальной культуры.

Интересен, в этой связи, авторский ментально-фольклорный подход Л.А. Муляра [2], с помощью которого определяются посредством анализа образов-концептов успеха и удачи в фольклорных источниках их ментальные значения, как модусы стратегии социального бытия, и выстраивается методика концептуализации успеха, как технология проектирования социальной реальности. Важны, так же, наблюдения Л.А. Муляра относительно межкультурных и исторических различий философско-смыслового насыщения концепта «успех», образующих локальные ментальные и культурно-исторические образования.

Если Н.В. Розенберг эксплицирует проблему структурированности социального успеха личности в пространство культурологического дискурса, то Л.А. Муляр актуализирует проблематику в социально-философском аспекте, рассматривает концепт успеха шире, выявляя обусловленность модернизационных социальных процессов ментальными предустановками, транслируемыми фольклорными источниками. Предлагаемый Л.А. Муляр метод коррекции ментальных установок для приведения в соответствие с актуальной стратегией модернизации общества весьма неординарен, предполагает ограничение пропедевтического воспитательного воздействия шедевров устного народного творчества, транслирующих «неподходящие» модусы стратегии социального бытия. Продуктивным же представляется автор-

ский исследовательский прием выявления образов-концептов «успех» и «удача» и определения их формирующего воздействия на ментальные модусы локальной социокультурной системы, в данном случае отечественной.

Мы считаем успех абстрактной идеальной ценностной, а, следовательно, относительной, категорией культуры, сформированной в рамках социальной коммуникации. Есть основания рассматривать культуру как глобальную систему ненаследственной информации (Ю.М. Лотман [3]), состоящую из символизированных форм (Л. Уайт [4]) интегративных структур (Т. Парсонс [5]), подчиненных общим закономерностям движения сложных самоорганизующихся систем (Г.А. Голицин [6]). Если успех относительная категория, то символизация успеха – процесс непрерывный и непреходящий, сопровождающий генезис культуры и общества с древнейших времен.

На успех направлена любая человеческая деятельность. Отсутствие успеха в деятельности означает поражение, которое может граничить с гибелью индивида или общества. Достижение же успеха наполняет человеческую жизнь смыслом, стимулирует неоднократное повторение видов и технологий успешной деятельности, формирует необходимость в передачи успешного опыта, закрепляемого как в социальных практиках, так и в символах успеха.

Дихотомия успеха и поражения – особая общечеловеческая константа, пронизывающая культуру всех народов, всех культурно-исторических эпох. Необходимость повторения успешного социального опыта в рамках борьбы за выживание мотивирует его отражение в мифологии, в героическом эпосе и в малых устных литературных формах разных народов, в живописи, в скульптуре, в монументальной архитектуре и т. д.

Единые символы успеха сплачивают и консолидируют общество, как перед общей угрозой, так и в свете ценности завтрашнего дня. Множественность и противоречивость символов успеха расслаивают общество на группы, обостряют социальные отношения, порождают конфликты, которые приводят либо к выработке общих позиций, либо к столкновению интересов и борьбе до победы, до успеха. Сам успех, символы успеха и процесс его символизации являются факторами социализации и инкультурации личности, непременным условием социальной коммуникации и самоорганизации общества.

В глобальное информационное пространство культуры интегрируются локальные культурные формообразования, которые в процессе интеграции переживают эволюцию и трансформации. Интеграционные процессы уравниваются процессами локализации культурных форм в конкретных социально-исторических условиях. Если границей интеграции ненаследственной информации является глобальное поле, то гранью локализации (противоположной границей) можно считать личностную культуру индивида, которая, в свою очередь, как любая культурная форма может быть интегрирована в глобальное информационное поле, а может быть и ограничена. Между обозначенными границами можно выделить несколько уровней интеграции-локализации культурных форм, происходящих в рамках социальной коммуникации. Не исключаются и ментальные образования отдельных локальных культур, которые вступают в межкультурное взаимодействие. Именно взаимное столкновение двух культур, их межкультурное взаимодействие порождает феномен социальной эклектики, подмеченный Л.А. Муляр.

Она пишет: «Ситуация тотальной подмены модуса *успех* модусом *удача*, наиболее адекватно предъясняемая массивом отечественного фольклора, исторически обусловила формирование социально вредной ментальной установки на замещение активно-инициативного созидания социальной реальности (*успех*) инертно-иждивенческим ожиданием социального «чуда» (*удача*).

В современной российской действительности правомерно констатировать состояние социальной эклектики, социокультурная причинность которого заключена в модернизации экономико-политической сферы (приоритет *успеха*) в условиях традиционных ментальных представлений (приоритет *удачи*), что, в свою очередь, делает весьма затруднительной перспективность цивилизационного прорыва и роста российского социума, поскольку «нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри» (А. Герцен)» [2, с. 9].

В духе авторской методологии концептуализации *успеха* Л.А. Муляр, позволяющей использовать семиотико-когнитивные возможности фольклора в осмыслении социальной реальности рассмотрим конкретный пример – русскую народную сказку «Теремкухи» (другие распространенные названия: «Терем мухи», «Терем мышки», «Домок», «Череп-терем», «Звери в решетке», «Решето», «Вошинная хата» и пр.).

Как известно, в современной устной традиции в отечественной культуре бытует множество вариантов сказки. По окончании сказки можно выделить две разновидности ее интерпретаций, одна из которых заканчивается трагически (например, в пересказе А.Н. Толстого [7]): медведь (или иной последний персонаж) разрушил теремок, а его обитатели разбежались. Этот вариант в своей символической форме отражает социальную трагедию межкультурного конфликта и близок метафоре «смешения языков» в притче о вавилонском столпотворении, но имеет и более тонкие межкультурные дефиниции. Другой вариант окончания сказки, имеющий хороший конец (например, в пересказе М.Л. Булатова [7]): обитатели разрушенного теремка построили новый, лучше прежнего, – содержит дополнительные смысловые дефиниции, что позволяет предполагать более позднее его происхождение, ориентировочно вторая половина XIX в. По начальному эпизоду также модно выделить две интерпретационные модели сказки: 1) первый персонаж случайно находит теремок (*удача*) или 2) строит его (*успех*) [8].

Согласно Л.А. Муляр, к традиционным интерпретациям русской сказки следует отнести варианты, не содержащие образ-концепт «успех». Нельзя однозначно определить элементы устного шедевра, бытующего в отечественной культуре не первую сотню лет, как инородные – будем считать неугодные элементы заимствованными и исключим их. Исключению подлежит строительство теремка, как в начале, так и в конце повествования. В результате его исключения получается исходный, будем полагать, традиционный архаичный вариант.

Есть и логические основания для исключения строительства теремка первым персонажем. Смысловая нагрузка сказки символически выражена в разных именах персонажей и в их последовательно возрастающих размерах. В остальном для выражения главной мысли необходима предельная идентичность персонажей, которая может выражаться одинаковой ситуацией случайного обнаружения жилища, символизирующего культурную ойкумену в которую приглашаются любые пришлые («Ступай к нам жить!»). При этом размеры персонажей не выражены, а домысливаются при расшифровке кличек-имен, символически выражающих иной класс, иной разряд, иную культуру. Так же домысливается потенциальная угроза новых персонажей (иных, чужих) для предыдущих

(своих). Неоднократно повторяется в сказке разрешение межкультурного конфликта «свой – чужой», становящегося смысловым рефреном сказки, многократно повторенной ее премудростью, образующей кольцевую форму произведения: каждый новый персонаж изначально чужой, но «Ступай к нам жить!» и (о чудо!) он уже свой. Единственно возможная стратегия разрешения конфликта «свой – чужой»: принять чужого, сделав его своим, – задается в качестве социальной стратегии. Но вот что может случиться, если культурная ойкумена станет не способна вместить иного, нового: она разрушится. В сказке, независимо из чего сделан теремок, запечатлен конфликт ограниченной старой формы и великого нового содержания. Поставленная проблема требует разрешения на ином более высоком диалектическом уровне. С фатальной неизбежностью мы можем констатировать, что какой бы замечательной не была бы форма, позволяющая идентифицировать чужого как своего, ее ограниченность – это тот фактор, который рано или поздно приведет к катастрофическим последствиям несовместимости старой формы и нового содержания. Что же делать?

На поверхности логический парадокс: единственно заданная стратегия ведет к неминуемой гибели. Что же предпринять, что бы избежать поражения? Ответ скрыт, не явен, выражен в постепенном нарастании размеров новых персонажей (новых культур, новых знаний), неминуемо приходящих в образе «чужого», непознанного. Ответ скрыт в невыраженной истине: нужно быть готовым к бесконечно великому новому непознанному и единственная стратегия его познания – («Ступай к нам жить!») неотрицание, приятие, признание. Неготовность к признанию истинного величия, ведет к катастрофе. А, следовательно, ничего страшного, что прежний теремок разрушен – построим новый. Архаичный вариант сказки, без элемента строительства нового теремка, ставит, актуализирует проблему, и в духе методик проблемного воспитания наводит реципиента на самостоятельное единственно верное решение. В отличие от поздних интерпретаций сказки, содержащих выраженное разрешение конфликта формы и содержания, архаичный вариант предполагает социокультурную автономность сознания (концепт А.Д. Похилько [9]) и развивает (программирует) самостоятельное мышление реципиента, направленное на адекватное социальное поведение в реальной межкультурной ситуации.

Отсутствие хорошего финала (строительства нового теремка) логично с точки зрения воспитательно-развивающих функций сказки. В рефрене неоднократно задается единственный верный ответ в форме «делай так». А в финале – экзамен в форме неразрешенного вопроса «что делать?». Верный ответ не обязательно сиюминутно должен быть выражен вербально. Достаточно, если реципиент (воспитуемый) выберет единственно верную социальную стратегию достижения успеха и будет делать так.

Обратим внимание, что как бы мы не пытались исключить мотивы успеха из фабулы сказки, вынуждены констатировать, что она учит успешному социальному поведению. Мы обнаружили градации образа-концепта «успех» в его перемещении из образной сферы художественного произведения в пространство социального действия, связанные с различными уровнями символизации образа успешной деятельности. В пространстве художественного произведения могут содержаться символы успеха (первый уровень символизации), выраженные образами (персонажами), действием или прямой речью персонажей. Посредством художественного произведения, в нашем случае фольклорного, осуществляется социальная коммуникация, в рамках которой вновь осуществляется процесс символизации успеха, только уже реципиентом коммуникации, интериоризирующим транслируемые образы-символы успеха как некоторый опыт. Это следующий этап символизации успеха, вслед за которым возможна экстерииоризация субъективного опыта в деятельности, направленной на успех. Это уже третий этап символизации успеха, поскольку в любой осмысленной деятельности одновременно происходит трансляция и презентация образов-символов успеха.

Авторская методология Л.А. Муляр, позволяющая выявить образы-концепты в художественном произведении и проследить их формирующее воздействие на ментальные модусы локальной социокультурной системы, продуктивен, но следует его расширить более глубоким пониманием базового концепта – образа-концепта «успех». Мы намерено использовали термин «образ-символ» вместо «образ-концепт» для того, чтобы подчеркнуть многоуровневость процесса символизации успеха при его концептуализации, которую мы понимаем, как процесс закрепления в социальной практике и коммуникации символически выраженных технологий осуществления успешной деятельности.

Д.И. Канарский [10] рассматривает успех как механизм конституирования социальной реальности, как оценочный критерий социальной коммуникации, где успешность элиты позволяет последней осуществлять власть в массах реципиентов, ориентированных на транслируемые элитой ценности. В работе философа предложен не реализованный ранее в философской литературе анализ успеха как социальной и социально-философской категории, являющейся производной от двух оснований: имманентных характеристик личности и трансцендентальных параметров социального [10]. Д.И. Канарский указывает, что в стабильном социальном пространстве успех имеет характеристику эпифеноменального явления, детерминированного структурой социального, сопровождающего социальную коммуникацию, а в нестабильном – приобретает характеристику феномена конституирования социальной реальности. Нестабильное социальное пространство, по Д.И. Канарскому, отличается противоборством «экспертных» социальных групп за право осуществлять экспертизу социальной успешности. Д.И. Канарский пишет: «Определение параметров успешности со стороны «экспертных» групп инициирует конструирование общезначимой ценностной шкалы, посредством которой происходит конституирование социального сущего и социальной реальности» [10]. Развивая мысль исследователя, мы можем полагать, что различные ценностные шкалы латентно (символически) присутствуют в социальном пространстве, и «экспертным» группам остается лишь инициировать те или иные ценности, те или иные символы успеха для запуска прогнозируемых социальных процессов, в чем и видится осуществление реальной власти. Активная ценностная шкала социального успеха конституирует социальную реальность, локализуя процессуально изменчивые философско-смысловые дефиниции успеха.

Взаимосвязь категории успеха с процессами деятельности и социальной коммуникацией с позиций современных философии и культурологии очевидна. Проблему представляет динамичная, изменчивая ценностная сущность категории успеха. В окружающих человека материальных и духовных ценностях символически присутствует категория успеха, однако, ценности относительны и изменчивы. Изменчиво и смысловое содержание успеха. Следовательно, необходимо рассмотреть процессуальность символизации успеха, раскрыть

закономерности формирования ценностных дефиниций и причинно-следственную логику их эволюции и трансформаций, что происходит в рамках социальной коммуникации и в отдельных видах деятельности, выходящих за обозначенные рамки, но оцениваемой в них.

Объектом исследовательского интереса, т. о., выступает социальная коммуникация, а предметом – феномен формирования в культуре личности и в социокультурной среде символов успешной деятельности, или, иными словами, феномен социокультурного процесса символизации успеха.

Процесс этот в социокультурных системах многофункционален, сложно структурирован, пространственно ограничен лишь пределами культурной ойкумены человечества. Его временная динамика не постоянна, связана с социальной активностью и относительностью социального времени. Гипотетически мы можем полагать, что нарастающая динамика трансформаций смысловых и ценностных категорий успеха ускоряет социальное время, а критические темпы таких трансформаций провоцируют социальные катаклизмы. В то же время стагнация смысловых метаморфоз успеха связана с тоталитаризацией общества, и здесь есть вероятность определения границ торможения динамики изучаемого процесса, за которыми социокультурные системы замыкаются на тоталитарных ценностях.

Социокультурный процесс символизации успеха имеет свои особенности на различных уровнях коммуникации. Отличительные черты его проявляются в самостоятельной деятельности индивида, обладающего некоторым уровнем личностной культуры, на микро, миди и макроуровнях социальной коммуникации (по А.В. Соколову [11, с. 48-67]). Однако присутствуют на различных уровнях и общесистемные свойства обозначенного процесса, позволяющие идентифицировать отдельные проявления как динамические элементы системного характера одного явления. Структурированность и интегративность изучаемого процесса можно рассматривать как его имманентные свойства, раскрывающие его функции в социокультурных системах.

Культурологическая актуализация обозначенной проблемы связана с определением значения образов-символов успешной деятельности индивида, социальных групп и масс общества в развитии культуры, с феноменологическим описанием социокультурного процесса символизации успеха,

с раскрытием его процессуальных характеристик в динамике культуры. Пространство культуры можно рассматривать как самоорганизующуюся систему интегрированных формообразований. Культуру личности (индивида) мы можем рассматривать как элементарный уровень формообразования, как отдельный уровень локализации глобальной системы ненаследственной информации. В той мере, в какой индивид интегрирован в процесс самоорганизации глобальной системы ненаследственной информации, он проявляет особенные (индивидуальные) и общесистемные свойства локальной культурной формы.

Всякой человеческой деятельности присуща мотивация, некоторый побуждающий к действию **преддеятельностный** толчок. Современная отечественная наука разграничивает физиологические, психические и социальные (социокультурные) составляющие мотивации деятельности человека, социальных групп и общества [12; 13; 14]. Одна из априорных составляющих мотивации поступка, на наш взгляд, – физиологическая, психологическая и социокультурная **возможность** совершения успешного действия.

В момент культурной мотивации осмысленного действия индивида (или иного субъекта социальной коммуникации), его успешное завершение представляет собой абстрактную идеальную модель, некоторую умозрительную мишень, обязательную часть цели, некоторый сформированный образ-символ успеха. Апробация, осуществление этой идеальной модели в деятельности представляет собой некоторую умозрительную оценочную игру субъекта деятельности со средой осуществления деятельности, в ходе которой субъект познает свойства среды, учится влиять на эти свойства, изменять или учитывать их, добиваясь наибольшего соответствия результата деятельности предварительно сконструированному образу-символу ее успеха. Одновременно динамическим изменениям подвергается и предварительно сконструированный образ успеха, субъект действия адаптирует свою мотивационную идеальную модель к изменяющимся условиям, корректируя вектор (направленность, цель или цели) деятельности.

Таким образом, обязательная направленность деятельности на успех выявляет константную характеристику образа-символа успеха, выраженную в обязательном присутствии мотивационной константы – возможности направить действия к успеху, к идеальному абстрактному образу-символу

успеха. Такую возможность для субъектов социальной коммуникации формирует социокультурная среда путем трансляции культурой исторически выработанных образов-символов успеха.

В процессе же апробации идеальной модели, являющейся культурным мотиватором деятельности, образ-символ успеха переживает трансформации смыслового значения, что и раскрывает его переменность. Обязательное присутствие возможности успеха является константой деятельности, а его философские и повседневные смыслы представляет собой переменные, образующие социокультурные концепты. Каждый человек, на опыте испытывая идеальные образы-символы успешной деятельности, не только достигает (или не достигает) лично для него значимой цели, но и транслирует образы-символы, направляющие его деятельность, вне себя, а в качестве функциональной единицы культурной системы не только вне себя, но и в социокультурную среду, проявляя одно из общесистемных свойств элементарного формообразования глобальной системы ненаследственной информации.

Отметим, что в формировании социокультурных концептов успеха участвуют не только люди, но и художественные образы, которые, в свою очередь, представляют собой символическое отражение социальных реалий. Процесс концептуализации, на наш взгляд, следует рассматривать как интеграцию образов-символов успеха в социальные системы. Если психологические процессы интериоризации и экстериоризации детерминированы ощущениями и поведением личности, то их социокультурные аналоги, интеграция и локализация образов-символов, включают в себя смысловые и ценностные дефиниции деятельности и могут логически проецироваться на различные уровни социальных образований, вступающих в социальное коммуникативное взаимодействие, т. е. на любые локальные формообразования культуры.

Индивид, осмысленно моделирующий прообраз своей успешной деятельности, выступает как единица социокультурного взаимодействия, учитывая в мотивационной модели свой субъективный опыт, который, в свою очередь, является интериоризацией социокультурных условий, воспринимаемых как возможность осуществления успешной деятельности. Экстериоризация субъективного опыта ведет к интеграции символизированных моделей успешной деятельности в

социальные системы, где образы-символы успеха приобретают концептуальное выражение. Возможность осмысленной успешной деятельности обусловлена социальной коммуникацией, участником которой является субъект, планирующий деятельность. Деятельность могут планировать и личность, и социальные образования различного масштаба. Эти планы представляют собой иной уровень образов-символов успешной деятельности (идеальные или идеологические модели), апробация которых в деятельности ведет к эволюции и трансформациям концептуального содержания.

Социальная коммуникация, таким образом, – непереносимое условие выработки мотивационной модели деятельности субъектов коммуникации. Образ-символ успеха предстает и в качестве константы, и в качестве переменной социокультурных условий. С одной стороны социальная коммуникация является обязательным условием формирования побудительных факторов деятельности субъектов социальной коммуникации (констант успеха), с другой – процессом сопровождающим оценку осуществляемой деятельности (сравнения констант с приобретенными переменными), и одновременно, – обязательным результатом деятельности субъекта, направленной на успех, возможно неосознаваемым в полной мере результатом, по крайней мере, на повседневном уровне самосознания.

Отметим, что мотивационная модель на уровне сознания индивида представляет собой умоглядный абстрактный символ успешной деятельности. Именно в этой символической данности идеальная модель воспринимается в качестве константы, некоторой эпифеноменальной составляющей цели планируемой деятельности и, одновременно, отправной точки для оценки приобретаемого в деятельности опыта. Она же является символической производной минувшей деятельности, приобретенного опыта.

В проявлении константности и переменности образов-символов успеха и обнаруживается постоянно сопровождающий социальную коммуникацию социокультурный процесс символизации успеха, вне которого невозможно задать вектор успешной деятельности индивида или общества. Данный процесс имеет строгую логику: 1) символизированный успех мотивирует повторение успешной деятельности; 2) осуществляемая деятельность изменяет внешние условия деятельности, вследствие чего результат деятельности

всегда отличается от планируемого (идеального) успешного итога; 3) по отношению к абстрактной символической мотивационной модели оценивается новый приобретенный опыт либо как успешный, либо как неуспешный: а) успешный мотивирует повторение деятельности, б) неуспешный ведет к переоценке мотивационной модели, к выработке и символизации новой (иной). Неудача (поражение) не отрицает неуспешный опыт, но сохраняет его как неостребованную латентную ценность, что так же символизируется, т. е. закрепляется культурой. Оговоримся, что в случае если не происходит переоценка «ложной» (устаревшей) мотивационной модели, не вырабатывается новый образ-символ успешной деятельности или не востребуется скрытый потенциал неостребованных ценностей, индивид погибает, а социокультурная система дезинтегрируется. Отсюда обнаруживаемые исследованиями культурной динамики флуктуации: генезис культуры периодически проявляет интеграционные и дезинтеграционные направления движения сложных самоорганизующихся систем согласно принципу максимума информации (Г.А. Голицын [6]).

Социокультурный процесс символизации успеха имеет как кинетическую составляющую востребованных мотивационных моделей, так и потенциальную составляющую латентных ценностей, взаимосвязь которых можно представить по аналогии с физическими законами сохранения энергии. Кинетические мотивационные модели складываются в общезначимые активные ценностные шкалы, инициированные «экспертными» группами [10], представляющими в данной локальной социокультурной системе социальную элиту. Эволюция кинетических мотивационных моделей ограничена диалектической закономерностью соотношения формы и содержания. Рано или поздно субъектам социальной коммуникации придется строить новый теремок: обратиться к латентным мотивационным моделям, обновить элиту и ценностную шкалу. В этом случае изменения мотивационных моделей носит взрывной характер [3] трансформаций. При инициации ценностная шкала успешности воспринимается реципиентами социального коммуникативного взаимодействия как константа социальной активности, ядро социальной идентификации и самоорганизации. Но со временем в социальных практиках накапливается опыт апробации и переоценки ценностных категорий активной шкалы.

И ее эволюция продолжается пока составляющие ее категории не сталкиваются в парадоксальных соотношениях. Если социальная элита продолжает транслировать ценностные ориентиры преодоления парадоксальных тенденций, т. е. осуществляет властные полномочия, направляя социальное развитие к символам успеха, она не только оправдывает свою социальную роль, но и усиливает ее. Усиление роли социальной элиты, централизует процессы символизации успеха, абсолютизирует ценность данной «экспертной» группы, закрепляет за ней авторитарное право целеполагания социальной активности.

Таким образом, генезис социокультурных систем имеет не прямую направленность, а синусоидальную: с одной стороны на пике флуктуаций быстротекущие процессы ценностных и смысловых трансформаций символов успеха, с другой – стагнация процесса символизации успеха в форме тоталитарных ценностных установок. Выход за

пределы нашей умозрительной синусоиды означает дезинтеграцию (разрушение) социокультурной системы, ее распад на элементарные составляющие, разрушение теремка, после которого придется строить новый.

Анализ социокультурного процесса символизации успеха расширяет наши представления о принципах самоорганизации культуры как системы ненаследственной информации, позволяет по-новому взглянуть на тенденции современного развития человечества, на исторические события и культурные явления сегодняшнего дня и минувших времен.

Т. о., актуальность исследования обозначенной проблемы обусловлена необходимостью философско-культурологического осмысления данного процесса как фактора развития культуры и общества в историческом аспекте и в аспекте анализа современных тенденций общественного развития.

Список литературы:

1. Розенберг Н.В. Архитектоника успеха в культуре: Дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2001. 176 с.
2. Мулляр Л.А. Социально-философские смыслы образа-концепта «успех»: Дис. ... докт. филос. наук. Пятигорск, 2012. 286 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
4. White L.A. The concept of culture. Wash, 1959. Vol. 61. P. 227-251.
5. Минюшев Ф.И. Социальная антропология: курс лекций. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997.
6. Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход). М.: КомКнига / URSS, 2005. 272 с.
7. Русская народная сказка Теремок // Все русские народные сказки 2007-2015. (URL: <http://hyaenidae.narod.ru/story4/192.html> (дата обращения 13.01.2015)).
8. Теремок. Русская народная сказка // kostyor.ru 2001-2014. (URL: <http://www.kostyor.ru/tales/tale49> (дата обращения 13.01.2015)).
9. Похилько А.Д. Социокультурная автономность сознания: философско-антропологическое измерение: Дис. ... докт. филос. наук. Ставрополь, 2007. 351 с.
10. Канарский Д.И. Успех как механизм конституирования социальной реальности: Социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 151 с.
11. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: учебник. СПб.: Михайлов В.А, 2002. 461 с.
12. Алтунина И.Р. Структура и развитие мотивов и мотивации социального поведения: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2001. 453 с.
13. Воробьева Е.В. Интеллект и мотивация достижения: психофизические и психогенетические предикторы: Дис. ... докт. психол. наук. Ростов н/Д., 2002. 386 с.
14. Степанов Е.М. Конфликтология переходного периода: Духовно-мотивационный аспект: Дис. ... докт. филос. наук. М., 1996. 309 с.
15. Каюков В.А. Культурологические типы сценического артистизма в западноевропейском дирижировании // Культура и искусство. 2012. № 1. С. 61-67.
16. Каюков В.А. Категория успеха: историко-философский экскурс // Психология и психотехника. 2011. № 2. С. 77-81.

References (transliteration):

1. Rozenberg N.V. Arhitektonika uspeha v kul'ture: Dis. ... kand. filoz. nauk. Tambov, 2001. 176 s.
2. Mulljar L.A. Social'no-filosofskie smysly obraza-koncepta «uspeh»: Dis. ... dokt. filoz. nauk. Pjatigorsk, 2012. 286 s.
3. Lotman Ju.M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhiv mirov. SPb.: Iskusstvo, 2000. 704 s.

4. White L.A. The concept of culture. Wash, 1959. Vol. 61. P. 227-251.
5. Minjushev F.I. Social'naja antropologija: kurs lekcij. M.: Mezhdunarodnyj universitet biznesa i upravlenija, 1997.
6. Golicyn G.A., Petrov V.M. Social'naja i kul'turnaja dinamika: dolgovremennye tendencii (informacionnyj podhod). M.: KomKniga / URSS, 2005. 272 s.
7. Russkaja narodnaja skazka Teremok // Vse russkie narodnye skazki 2007-2015. (URL: <http://hyaenidae.narod.ru/story4/192.html> (data obrashhenija 13.01.2015)).
8. Teremok. Russkaja narodnaja skazka // kostyor.ru 2001-2014. (URL: <http://www.kostyor.ru/tales/tale49> (data obrashhenija 13.01.2015)).
9. Pohil'ko A.D. Sociokul'turnaja avtonomnost' soznanija: filosofsko-antropologicheskoe izmerenie: Dis. ... dokt. filos. nauk. Stavropol', 2007. 351 s.
10. Kanarskij D.I. Uspeh kak mehanizm konstituirovanija social'noj real'nosti: Social'no-filosofskij analiz: Dis. ... kand. filos. nauk. Habarovsk, 2000. 151 s.
11. Sokolov A.V. Obshhaja teorija social'noj kommunikacii: uchebnik. SPb.: Mihajlov V.A, 2002. 461 s.
12. Altunina I.R. Struktura i razvitie motivov i motivacii social'nogo povedenija: Dis. ... dokt. psihol. nauk. M., 2001. 453 s.
13. Vorob'eva E.V. Intellect i motivacija dostizhenija: psihofizicheskie i psihogeneticheskie prediktory: Dis. ... dokt. psihol. nauk. Rostov n/D, 2002. 386 s.
14. Stepanov E.M. Konfliktologija perehodnogo perioda: Duhovno-motivacionnyj aspekt: Dis. ... dokt. filos. nauk. M., 1996. 309 s.
15. Kajukov V.A. Kul'turologicheskie tipy scenicheskogo artistizma v zapadnoevropejskom dirizhirovanii // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 1. S. 61-67.
17. Kajukov V.A. Kategorija uspeha: istoriko-filosofskij jekskurs // Psihologija i psihotehnika. 2011. № 2. S. 77-81.